

«Илиада»

Начнем с того, что завязкой поэмы «Илиада» является гнев Ахилла. Продолжительность действия 51 день. Вся поэма разделена на 24 песни, которые соответствуют 24 буквам греческого алфавита. Почему присутствует такое чёткое деление? Потому что изначально «Илиада» существовала как памятник устного народного творчества. И лишь при афинском тиране Писистрате было приказано записать песни различных рапсодов, которые потом и сложились в единую поэму.

При Писистрате в Афинах был введён ряд новых культов и празднеств. Был учреждён самый крупный праздник в честь бога Диониса — Великие (Городские) Дионисии. Тиран сделал общеполисным культ Артемиды Бравронской, который он перенёс из Диакрии на Акрополь. В Элевсине был построен Телестерий — помещение для проведения мистерий.

Важное значение для Писистрата имел и культ Афины. На Акрополе был возведён её храм, ставший главной святыней полиса (Гекатомпедон). При Писистрате изображения на афинских монетах становятся единообразными: на лицевой стороне — голова Афины в профиль, на оборотной — сова, священная птица богини. Правление этого тирана сам Аристотель сравнивал с веком Крона, то есть с золотым веком во всей истории Древней Греции. Легенды рассказывали, что имен-

но при этом тиране был отдан приказ привести в порядок литературное наследие Гомера. Будто бы Писистрат назначил специальную редакционную комиссию и лично наблюдал за её работой. Когда редактирование Гомера (первое в истории!) было завершено, в текстах «Илиады» и «Одиссеи» оказалось довольно много стихов, восхваляющих город Афины, его народ и его правителей.

В «Илиаде» и «Одиссее» присутствует огромное количество несоответствий, противоречий и неточностей. Несходство и прямые противоречия обнаруживаются не только между поэмами, но и внутри каждой из них. Они объясняются в первую очередь многослойностью греческого эпоса: ведь в мире, который рисует Гомер, совмещены и соседствуют черты и приметы нескольких эпох — микенской, предгомеровской (дорийской), гомеровской в собственном смысле слова. И вот рядом с дорийским обрядом сожжения трупов — микенское захоронение в земле, рядом с микенским бронзовым оружием — дорийское железо, неведомое ахейцам, рядом с микенскими самодержцами — безвластные дорийские цари, цари лишь по имени, а по сути — родовые старейшины. В прошлом веке эти противоречия привели науку к тому, что под сомнение было поставлено само существование Гомера. Высказывалась мысль, что гомеровские поэмы возникли спонтанно, то есть сами собой, что это результат коллективного творчества — вроде народной песни. Критики менее решительные признавали, что Гомер все-таки существовал, но отводили ему сравнительно скромную роль редактора, или, точнее, компилятора, который умело свел воедино небольшие по размеру поэмы, принадлежавшие разным авторам, или, может быть, народные. Третьи, напротив, признавали за Гомером авторские права на большую часть текста, но

художественную цельность и совершенство «Илиады» и «Одиссеи» относили на счет какого-то редактора более поздней эпохи.

Это объясняется тем, что разные рапсоды в своей памяти хранили разные варианты одной и той же поэмы. Механическое соединение этих частей оставляло желать лучшего. Этот литературный памятник не создавался по определённому плану. Плана никакого не было. Это коллективное народное творчество. Или, как сказали бы братья Гримм, это «сны народной души». Не случайно именно греческие мифы и станут той питательной средой, из которой и произрастёт теория психоанализа с её выводом о коллективном бессознательном (К.Г. Юнг). Сам Гомер — это некий собирательный образ автора, которого никогда не существовало. По крайней мере, семь городов оспаривало право быть родиной легендарного сказителя. Тот бюст, который вы можете купить в Греции в любой ювелирной лавке, является копией с известного скульптурного портрета эпохи эллинизма. С момента появления знаменитых поэм и бюста с изображением сказителя прошло порядка 800 лет. Как вы понимаете, о портретном сходстве говорить не приходится. Согласно традиции, Гомер всегда должен был изображаться слепым. Считалось, что такому мудрецу восприятие внешнего мира лишь мешало. Его взор был взором исключительно духовным. Был ли он слеп, был ли он стар, мы точно сказать не можем. Но вся западно-европейская литература начинается с этого мифа о таинственном слепом авторе Гомере. И опять мы приходим к мифу. Можно сделать ложный вывод о том, что литература, покоясь на мифе, только и делает, что создаёт иллюзии. Но это так и не так одновременно. Есть такое понятие, как диалектика мифа. Суть же диалек-

тики заключается в том, что все видимые противоречия снимаются в процессе взаимодействия двух взаимоисключающих начал, например правда и вымысел. Миф в этом смысле одновременно является и правдой, и вымыслом. Тот, кого принято называть Гомером, не знает, например, что такое параллельное течение времени. В знаменитых поэмах вы никогда не увидите описание событий, которые происходят одновременно в разных местах. Его мышление архаично, он не может описать параллельное действие и одновременность событий, он изображает их как последовательные. Остатки примитивного творческого метода древних певцов обнаруживаются и в утомительных длиннотах, и в сюжетных повторах, резко снижающих занимательность (например, в начале XII песни «Одиссеи» волшебница Цирцея заранее и довольно подробно рассказывает о приключениях, которые будут содержанием этой же самой песни), и в так называемом законе хронологической несовместимости: действия одновременные и параллельные Гомер изобразить не может, как уже было сказано выше, а потому рисует их разновременными, следующими одно за другим. По милости этого закона гомеровские битвы выглядят цепочками поединков — каждая пара бойцов терпеливо дожидается своей очереди, да и внутри пары строго соблюдается очередность — разом противники никогда не бьются.

Это типичная архаика в восприятии пространства и времени. Иными словами, с определённым допуском Гомера можно сравнить с инопланетянином, который воспринимает мир не так, как воспринимаем его мы. В поэмах вы будете наткаться на постоянные эпитеты, которые могут показаться вам излишне навязчивыми. Но не торопитесь редактировать Гомера. Так, если

речь идёт о море, то оно почти всегда будет «винно-цветным» морем. Довольно странно, не правда ли? цвет вина в основном красный, и вдруг — синее море. И, вообще, почему в «Илиаде» море — фиолетовое, а мед — зеленый? Израильский лингвист Гай Дойчер в своей книге «Сквозь зеркало языка» показал, насколько странно и разнообразно может выглядеть мир в разных языках и в частности в поэмах Гомера. Современники Гомера видели мир в основном в контрастах между светом и темнотой, а цвета радуги воспринимались ими как неопределенные полутона между белым и черным. Или, если быть более точным, они видели мир в черно-белых тонах с вкраплением красного, так как Гладстон заключил, что чувство цвета начало развиваться во времена Гомера и, прежде всего, включало в себя красные тона.

Гладстон подсчитал, что Гомер использовал прилагательное *melas* (черный) около 170 раз. Слова, означающие «белый», появляются около 100 раз. По контрасту с этим изобилием слово *eruthros* (красный) появляется 13 раз, *xanthos* (желтый) — едва ли с десятков раз, *ioeis* (фиолетовый) — шесть раз, а другие цвета и того меньше.

В конце концов, Гладстон обнаруживает, что даже самые простые цвета спектра вообще не появляются в тексте. Больше всего поражает отсутствие слова, описывающего синий цвет. Слово *kuaneos*, которое на более поздних этапах развития греческого языка обозначало «синий», появляется в тексте, но, скорее всего, для Гомера оно означает просто «темный», поскольку он использует его не для описания неба и моря, а для описания бровей Зевса, волос Гектора или темного облака. Зеленый также редко упоминается, поскольку слово *chlôros* используется в основном для незеленых вещей, и в то же время в тексте нет другого слова, которое бы

предположительно обозначало самый распространенный из цветов. И в гомеровской цветовой палитре не видно никаких эквивалентов оранжевого или розового. Это что касается цветового восприятия мира. Но как греки эпохи Гомера воспринимали сам мир, каковы были их географические представления? В поэмах «Илиада» и «Одиссея» много описаний, связанных с путешествиями. Не случайно по традиции именно Гомера считают отцом географии. И вот что мы знаем об этом.

Изображение Земли, задуманное Гомером, которое было принято древними греками, представляет собой плоский диск, окруженный постоянно движущимися потоками океана. Эта идея возникнет из существования горизонта и видов, открывающихся с вершины горы или на берегу моря. Познания Гомера о Земле были весьма скудными. Он и его греческие современники знали очень мало о землях за пределами Египта. Их знания ограничивались Ливийской пустыней на юге, юго-западным побережьем Малой Азии и северной границей своей родины. Кроме того, о побережье Черного моря стало известно только через мифы и легенды, распространенные в его время. В его стихах нет упоминаний о Европе и Азии в качестве географического понятия, и не упоминаются финикийцы. Это кажется странным, если вспомнить, что происхождение названия Океан (Oceanus) — этот термин, использованный Гомером в его стихах, связан с финикийцами. Именно поэтому большая часть мира Гомера, изображенного на карте его поэм, представляет собой описание земель, ограниченных Эгейским морем. Стоит также отметить, что греки считали, что они живут в центре Земли, а края мирового диска были населены дикарями, чудовищными варварами, странными животными и монстрами; многие из них упоминаются в «Одиссее» Гомера.

А теперь давайте коснёмся самого главного вопроса: как во времена Гомера люди воспринимали самого человека, как они представляли себе мир его чувств и мыслей, каковы были их представления о самой человеческой природе? Не случайно мы начали наш разговор об «Илиаде» с того, что завязкой всего действия является гнев Ахилла. Это напрямую связано с тем, как видит человека Гомер. Как видят человека люди его эпохи. Парадокс заключается в том, что гнев не принадлежит самому Ахиллу. Когда мы говорим о литературе XIX века, о гневе, например, князя Андрея или других известных вам героев, то мы говорим о психологии, то есть об индивидуальных особенностях психики. Мы, следовательно, говорим об ответственности человеческого «я» за ту или иную эмоцию. Отсюда, например, роман «Преступление и наказание». Раскольников находится во власти своих мыслей, теорий, которые порождают в нём определённые эмоции. Во власти именно своих эмоций он убивает старуху-процентщицу и сестру её Лизавету, а затем несёт наказание. Это только его преступление, только его грех, и нет у него никаких оправданий. Есть только личная ответственность и больше ничего. Но чтобы сложилась такая привязка чувств к личности, должны были со времён Гомера пройти века и века. А в эпоху Гомера такой привязки не существует. И поэтому гнев, как и все другие эмоции человека, носит демонический характер. Это очень важный вывод, к которому мы должны прийти и без которого понимание Гомера просто невозможно. Ещё раз подчёркиваю, все эмоции у Гомера — это некие демоны, вселяющиеся в человеческое тело. Если хотите, проявление некой одержимости. Если продолжить эту мысль дальше, то надо признать, что у Гомера человек представляет собой некую полость, не-

кий сосуд, который наполняется, или, точнее, населяется теми или иными демонами-эмоциями. Вот, например, Обида — это богиня, она — дочь самого Зевса. В мифе человек магически овладевал миром, но не следует думать, будто это приносило ему свободу. Ведь магическая связь сама делает своим пленником того, кто к ней обращается. В мифе и магии человек выступает не как самостоятельное существо, а как часть целого, вписанная в его незыблемый порядок. И даже в более позднюю эпоху, когда человек уже вышел из первобытного состояния и стал понемногу овладевать силами своей души, он воспринимал свой самоконтроль как результат помощи богов мудрости — против богов гнева и ярости. Классическим примером может служить ситуация, описанная в «Илиаде». Разъяренный Ахилл хватается за меч, чтобы поразить оскорбившего его предводителя войска Агамемнона. Однако его останавливает слетевшая с неба богиня Афина: «...Афина, / Став за хребтом, ухватила за русые кудри Пелида, / Только ему лишь явленная, прочим незримая в сонме. / (...) Сыну Пелея рекла светлоокая дочь Эгиоха: / "Бурный твой гнев укротить я... / С неба сошла..."» (Гомер. Илиада; Одиссея. — М., 1967. С. 28). И дело здесь вовсе не в поэтическом преувеличении Гомера. Ахилл действительно воспринимает сдерживающее начало своей души как физически удерживающую его внешнюю божественную силу. Аналогично объясняет свое поведение Агамемнон: «Что ж бы я сделал? Богиня могучая все совершила, / Дочь громовержца, Обида, которая всех ослепляет...» (там же. С. 325). В этих условиях психическая жизнь первобытного человека могла быть упорядочена лишь с помощью магических обрядов и ритуалов, программирующих его бессознательное и направляющих течение душевной

жизни по социально приемлемому пути. «Власть нравственного закона и его запреты первоначально были магической властью» (Бердяев Н.А. О назначении человека. — М., 1993. С. 90).

Гнев Ахилла — это такой же демон, как и Обида. Сильные эмоции спонтанно вселяются в человека и овладевают им полностью. Вопрос, заданный некогда философом И.С. Коном: «Были ли личностью древние греки?» — имеет однозначный ответ: в современном понимании личности они, современники Гомера, личностями не были.

«В древнегреческом языке нет эквивалента современных понятий "воля" или "личность" как индивидуального и целостного субъекта деятельности. Человек хочет того, чего от него требуют боги. Причём, в отличие от христианского предопределения, в котором есть какой-то высший, хотя и непонятный человеку смысл, древнегреческая судьба мыслится как слепая, тёмная. Судьба ("мойра", "айса", "геймармене") действует не только извне; она присутствует и в самом человеке как его "даймон", двойник, от которого индивид не может избавиться. Герой Эсхила не может пожелать другой доли, так как для этого он сам должен был бы радикально измениться. Конечно, смысл понятия "даймон" существенно изменялся в процессе развития греческой культуры. В гомеровскую эпоху на первый план выступают его физические, телесные признаки. Позже он становится психическим персонажем; тема "даймона" тесно связана в греческой культуре с темой "маски". Но в любом случае "двойник" остается тёмным, иррациональным началом, которое навязывает индивиду волю судьбы или богов; его можно чувствовать, просить, заклинать, но с ним нельзя установить осмысленный, значимый диалог. Отсюда и ограниченность древнегреческого пони-

мания индивидуальной ответственности. царь Эдип из трагедии Софокла признаёт свою ответственность за поступок, последствий которого он не мог предвидеть. Но греческая трагедия обсуждает эту проблему не в привычном нам лично-психологическом, а в космическом ключе. Понятие ответственности, связанное с внутренней мотивацией, в это время ещё не отделилось от понятия обязанности, продиктованной извне. Трагедийный герой не выбирает из нескольких открытых ему возможностей: перед ним только один путь. Его признание своей ответственности, как и само его преступление, не следствие моральной рефлексии, а признание необходимости, безвыходности религиозного порядка вещей» (Кон И.С. Открытие «Я» М.: Политиздат, 1978. С. 147, 149–151).

Гнев Ахилла никому не подотчётен. Он существует сам по себе. Его размеры безграничны. Это демон, божество, не важно. Главное, что гнев Ахилла самому Ахиллу не принадлежит. Скорее, наоборот. По этой причине Гомер и посвящает первые строки поэмы именно этому демону, демону Гнева. Строки эти, напомним, звучат так в переводе Гнедича:

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть
плотоядным.

Такое вступление принципиально, потому что Гомер обращает наше внимание на самое основное, на Гнев Героя, который и будет причиной всех бед и который будет непосредственно у нас на глазах расти, разви-

ваться, доходить до своей кульминации и затем усмиряться и в конце он покинет героя. Все остальные события поэмы будут нанизаны на этот стержень.

Получается, что события Троянской войны будут служить, на самом деле, лишь фоном, на котором и разыграется в полной мере демон Гнева, вселившегося в великого героя всей Античности.

Заметим, что и Любовь и Эрос не принадлежат человеку. Человек находится в полной власти этих божеств. Вспомните, это период хтонической мифологии, древней, когда божества обладали характеристиками чудовищ и внушали человеку лишь страх и трепет. В дальнейшем христианство попытается приручить эту стихию и создаст концепцию христианской любви. Точно так же христианство попытается приручить и демона Гнева. Блаженный Августин создаст так называемую «теологию войны», которая долгое время будет оправдывать праведный гнев рыцарей в их войнах против неверных.

Даже Сон не принадлежал человеку. Сон — это бог Гипнос, или Морфей у римлян.

По Гомеру, ни одна эмоция не принадлежит человеку. Вопрос: а зачем нам тогда нужна эта архаика? Ведь мы уже давно стали другими. У нас другое цветовое восприятие мира, другие географические представления, да мы и личности, которые несут полную ответственность за свои деяния. Может быть, Гомер безнадежно устарел?

Мы забыли об очень важном, о так называемом «эпическом дыхании», которое в полной и первозданной мере присутствует в этих древних поэмах. Относительно в 2010 году замечательный писатель Варгас Льюса получил Нобелевскую премию за свой роман «Война конца света». Это эпос, причём эпос гомеровский. Что это значит? Лишь то, что несмотря на постмодернистскую пара-

дигму, на камерный характер современной литературы, созданной под девизом: «Есть я и мои обстоятельства», несмотря на всё это, человечество не может расстаться с гомеровским эпосом. Есть в этом «эпическом дыхании» нечто завораживающее, нечто непреходящее.

Почему нас так влечёт к себе эпичность? Почему писателя мы очень часто оцениваем по его большому эпическому тексту? Скорее всего, потому, что в глубине каждого из нас существует некая генетическая память рода, память, которая подтверждает нашу вековую принадлежность к человечеству в целом. В этом мы черпаем, если хотите, и оправдание нашей частной жизни. Иными словами, в эпосе словно заложен некий глобальный смысл, который освещает земное существование каждого из нас. Ведь Библия — это тоже эпос, а попробуйте представить себе нашу жизнь без этой Книги. Так вот поэмы Гомера были для древних греков своеобразным кодом, в котором нашло своё отражение бытие эпохи бронзового века. По этим поэмам древний грек сверял свою жизнь, как по эталону, а так как память наша на бессознательном уровне хранит опыт всего человечества, то и Гомер не утратил своей актуальности и по сей день. Но помимо «эпического дыхания» в поэмах Гомера нас соблазняет и поразительная композиционная стройность. Изучая построение поэм, ученые открыли у Гомера особый композиционный стиль, который называли «геометрическим». Его основа — острое чувство меры и симметрии, а результат — последовательное членение текста на триптихи (тройное деление). Так, первые пять песней «Одиссеи» составляют структуру из двух триптихов. Первый: совет богов и их намерение вернуть Одиссея на родину (I,/ — 1,700) — Телемах и женихи на Итаке (I,/0/ — II) — Телемах гостит у Нестора

в Пилосе (III). Второй: Телемах гостит у Менелая в Спарте (IV,1 — IV,624) — женихи на Итаке (IV,625 — IV,847) — совет богов и начало пути Одиссея на родину (V). Второй триптих как бы зеркально отражает первый, получается симметричное расположение элементов по обе стороны от центральной оси. Конечно, это результат не расчета, а врожденного дара: автор, вернее всего, и не подозревал о собственном геометризме. Нам, читателям, геометризм открывается непосредственно. Мы говорим о нем нечетко и расплывчато, называя общею стройностью, изяществом, соразмерностью. Но как бы там ни было, мы наслаждаемся этой непридуманной, ненарочитой соразмерностью, — быть может, в противоположность нарочитой асимметричности, которая становится эстетической нормой в Новейшее время.

Личностями в бронзовом веке греки не были. Это верно. Но и в нас, людях XX века, ещё очень сильна память о нашем древнем безличностном начале. Посмотрите, как ведёт себя толпа на улице или на стадионе во время важного футбольного матча. Что это, как не пробуждение древних инстинктов? Человек в толпе сразу меняется. Он приобретает иные качества. Ему кажется, что он лишь часть огромного большого Тела. И тогда возникает психология толпы. Замените толпу родом и вы получите коллективное гомеровское мышление. А.Ф. Лосев называл этот тип мироощущения древних греков чувственно-материальным космосом. «Чувственно-материальный космологизм — вот основа античной культуры», — писал учёный. (Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. и др. Античная литература: Учебник для высшей школы / Под ред. А.А. Тахо-Годи. 5-е изд., дораб. М.: Черо, 1997. 543 с.).

Таким образом, космос видимый, слышимый, осязаемый, материальный в представлении древнего грека

есть не что иное, как огромное тело живого человеческого существа, как в целом, так и во всех своих частях. В этом отличие средневековой философии и религии абсолютного духа.

А.Ф. Лосев пишет: «Античные боги — это те идеи, которые воплощаются в космосе, это законы природы, которые им управляют. Мы же не называем свои законы природы "богами". А там законы природы называют богами. Что же получается?.. Что такое античные боги? Это есть сама же природа, это есть абсолютный космос, взятый как абсолют. Поэтому все недостатки, все достоинства, которые есть в человеке и в природе, все они есть и в божестве. Стоит ли напоминать о том, что такое боги в античной литературе? Возьмите Гомера. Боги дерутся меж собой, бранятся, стараются насолить друг другу: Афины Палладу — прекрасную богиню героизма и мудрости — Арес называет "псиной мухой"... Что же получается? Да ведь это действуют те же самые люди, только абсолютизированные, тот же самый привычный мир, но взятый как некий космос и с абсолютной точки зрения».

А раз так, то и не надо ждать от героев Гомера ни милосердия, ни жалости, ни других христианских добродетелей. Их поступки — это воплощение природной стихии, которая обожествляется и достигает положения абсолюта. Нравится нам это или нет, но именно так и воспринимает мир человек эпохи бронзового века, эпохи Гомера.

Средневековая христианская эпоха будет говорить об абсолютном духе, Античность же такого не знает, она говорит о материально-чувственном, то есть Античность абсолютизирует исключительно тело, материю, наделяя её статусом божественного. И это божественное становится стихийным, неуправляемым, как сама природа.